

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 914–928, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.156

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера

Ольга Валентиновна Ломакина¹, Искандер Расулевич Саитбатталов²,
Юлия Аликовна Саитбатталова³, Халимахон Отамбековна Хушкадамова⁴

¹ Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор

 0000-0003-0298-5678. E-mail: lomakina-ov[at]rudn.ru

² Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий специалист

 0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattalof[at]yahoo.com

³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший преподаватель

 0000-0001-9971-2697. E-mail: j.gimranova[at]gmail.com

⁴ Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, профессор

 0000-0001-7188-2029. E-mail: columnist07[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ломакина О. В., Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье показано, как в пословичном фонде башкирского, узбекского и таджикского языков отражаются религиозные представления народов, исповедующих ислам. *Цель* исследования — показать результаты вызванного исповеданием ислама языкового и культурного трансфера на примере определенной тематической группы башкирских, таджикских и узбекских паремий, содержащих религиозно-теологические представления. *Материалы и методы.* Исследование включает примеры из авторской картотеки пословиц, извлеченных приемом сплошной выборки из лексикографических источников (75 единиц), и данные опроса респондентов разных возрастов, владеющих башкирским, таджикским и узбекским

языками как родными (20 человек). Авторы используют методику, опирающуюся на ценностные критерии при выделении ценностных констант, выделяют семантический конденсат, проводят сравнительно-сопоставительный анализ. *Результаты.* Проведенное в рамках настоящей статьи контрастивное рассмотрение паремиологического фонда трех языков, образующих своего рода треугольник взаимосвязей (башкирский и узбекский — родственные, таджикский и узбекский — контактные), демонстрирует, какие именно религиозно-теологические представления ислама оказались наиболее востребованы коллективами их носителей, устойчивы по отношению к внешним воздействиям и получили аксиологическое осмысление в качестве «своих». *Выводы.* Выделение семантических доминант показало общность рассматриваемых языков. Частичное совпадение паремиологического фонда трех народов объясняется культурным и языковым трансфером, при котором мусульманские представления проникали в тюркскую языковую среду через иранское посредство, а на Южный Урал — через Среднюю Азию. Все это дает основание говорить о сложном и многоступенчатом культурно-языковом трансфере, мотивированном исламом.

Ключевые слова: ислам, Коран, ценность, религиозно-теологические представления, культурно-языковой трансфер, башкирские пословицы, узбекские пословицы, таджикские пословицы

Благодарность. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Ломакина О. В., Сaitбатталов И. Р., Сaitбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О. Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 914–928. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer

*Olga V. Lomakina*¹, *Iskander R. Saitbattalov*², *Iuliia A. Saitbattalova*³,
*Khalimakhon O. Khushkadamova*⁴

¹ RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Professor

 0000-0003-0298-5678. E-mail: lomakina-ov[at]rudn.ru

² Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist

 0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattaloff[at]yahoo.com

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer

 0000-0001-9971-2697. E-mail: j.gimranova[at]gmail.com

⁴ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Professor

 0000-0001-7188-2029. E-mail: columnist07[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Lomakina O. V., Saitbattalov I. R., Saitbattalova Iu. A., Khushkadamova Kh. O., 2023

Abstract. Introduction. The article shows how Bashkir, Uzbek and Tajik proverbs reflect religious ideas of the Islamic peoples. *Goals.* The study examines a certain thematic group of Bashkir, Tajik and Uzbek proverbs containing religious and theological concepts to illustrate how the Muslim profession of faith yielded somewhat linguistic and cultural transfer. *Materials and methods.* The paper analyzes patterns contained in the authors' proverbial database compiled via continuous sampling from a

variety of dictionaries (75 publications) and survey results of different aged Bashkir, Tajik and Uzbek native speakers (20 individuals). The employed techniques rest on value criteria when it comes to select value constants, highlight some semantic condensate, and conduct comparative analyses. *Results.* The contrastive insights into proverbial collections of the three languages that form a sort of a triangle of interconnections (Bashkir and Uzbek — cognate languages, Tajik and Uzbek — contacting ones) are indicative of which religious and theological ideas of Islam did prove most required by the latter's speakers, stable in relation to external influences, and would receive further axiological comprehension as 'their own'. *Conclusions.* The identification of semantic dominants shows a commonality of the languages under consideration. The partial coincidence of the three paremiological clusters is explained by the cultural and linguistic transfer, when Muslim ideas penetrated into the Turkic language environment through Iran and its cultural mediation, while it is through Central Asia that the former arrived in the South Urals. All this attests to a complicated and multi-stage cultural and linguistic transfer ignited by Islam.

Keywords: Islam, Quran, value, religious and theological concepts, cultural and linguistic transfer, Bashkir proverbs, Uzbek proverbs, Tajik proverbs

Acknowledgements. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

For citation: Lomakina O. V., Saitbattalov I. R., Saitbattalova Iu. A., Khushkadamova Kh. O. Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 914–928. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

1. Введение

Понятие «исламский язык» было введено в 1981 г. итальянским ученым Алесандро Баусани, который определял его как «язык, находящийся в определенный момент своей истории под лексическим, графическим, до определенных пределов морфологическим, синтаксическим и даже фонологическим влиянием великих культурных языков исламского мира — арабского и персидского» [Bausani 1981: 5]. Такой подход, сводящий представление о влиянии ислама на тот или иной язык исключительно к объему лексических заимствований, неоднократно подвергался справедливой критике, задающей в конечном итоге вопросом: «Может ли вообще язык быть исламским?» и переносящей акцент с языка на людей, которые и ассоциируют себя с мусульманской религией и культурой [Versteegh 2020: 6–7]. Тем не менее рассмотрение отдельных языков, посредством которых происходит концептуализация и трансляция религиозных представлений и ценностей ислама, остается востребованным и продуктивным междисциплинарным научным направлением.

Малайский мыслитель-традиционалист Мухаммад Накиб аль-Атас, одним из цент-

ральных понятий философии которого является исламизация, трактуемая как «освобождение человека сначала от магической, мистической, анимистической, национально-культурной традиции, противостоящей исламу, а затем — от секулярного контроля над его разумом и языком» (цит. по: [Ahmad 2013]), отстаивал идею того, что исламизация начинается с языка, а первым исламизированным языком стал арабский, целые лексические и стилистические пласты которого были радикально переосмыслены в ходе пророческой миссии Мухаммада, длившейся с 610 по 632 гг. нашей эры [Mabrurroh 2019: 14]. Решающее влияние, оказанное Кораном на семантику и стилистику арабского языка, отмечают и российские исследователи Корана [Резван 2001: 113; Фролов 2006: 185].

Первым после арабского языком, подвергнувшимся исламизации, стал персидский (новоперсидский, фарси), возникший в VIII–IX вв. нашей эры на востоке «Большого Ирана» и с самого своего возникновения использовавший арабский алфавит, активно заимствовавший из арабского целые пласты лексики и применявшийся для проповеди ислама среди неарабов. Все это сделало его

орудием исламизации народов восточной части Халифата и языком трансрегионального общения на этой территории [Фрагнер 2018: 44–54]. Уже в IX–X вв. персидский язык был признан «пригодным» для выражения сакрального мусульманского содержания, что выразилось в появлении первых толкований к Корану, первоначально представлявших собой пословный перевод священного текста, записанный между строк оригинала.

Массовое принятие ислама представителями тюркских народов Средней Азии в X–XI вв. и их миграция на запад через иранские земли в XI–XII столетиях привели к расширению ареала персидского языка, который стал языком высокой культуры во многих тюркских государствах средневековья. Вместе с тем в этих государствах начал развиваться собственный литературный язык, пользовавшийся арабской графикой и плотно насыщенный арабскими и персидскими заимствованиями. В обиходе этот язык чаще всего назывался тюрки. Литература на тюрки, прежде всего мистико-дидактическая поэзия, стала одним из действенных средств проповеди ислама среди тюркских народов. По мере расширения географии этого языка и изменения этнического состава его носителей в языке тюрки возникло несколько региональных вариантов, наиболее распространенными среди которых стали анатолийский (османский) и среднеазиатский (чагатайский). Последний достиг своего расцвета в творчестве А. Навои (XV в.), Бабур (XVI в.) и Абулгази Бахадур хана (XVII в.) и стал основой для формирования в советское время современного литературного узбекского языка.

Формирование норм таджикского литературного языка происходило в 20–30-е гг. XX в. синхронно с процессами национально-государственного строительства в советской Средней Азии, приведшими к образованию сначала Таджикской АССР в составе Узбекистана, а затем — к поднятию ее статуса до союзной республики. Выделение таджикского в качестве самостоятельного языка в рамках персидского континуума происходило путем сближения норм языка классической литературы с живыми народными говорами при изменении графической основы — сначала с арабской на латинскую, затем — на кириллическую [Керимова 1997: 6–8].

Предки носителей современного башкирского языка начиная с XIII–XIV вв. использовали в качестве литературного тюрки, сочетающий среднеазиатские и ближневосточные черты, причем контакты со Средней Азией были настолько широки, что произведения, импортированные оттуда, воспринимались как собственные [Галаяудинов 2000: 96], однако в 1923 г. советскими властями Башкирии было принято решение о формировании литературного языка республики на основе диалектов, наиболее далеко отстоящих от прочих тюркских языков, т. е. о фактическом разрыве с религиозно ориентированной языковой и литературной традицией [Галаяудинов 2000: 185].

Все три народа, несмотря на принадлежность к разным языковым семьям и географическую разобщенность, объединяют давние культурные и языковые связи: высокая мусульманская культура, одним из центров которой были территории будущих Узбекистана и Таджикистана, стала образцом и средством для исламизации тюркских народов средневековья — предков башкир и узбеков. Совместное проживание на одних территориях, приведшее к формированию общих черт в быту, хозяйстве, образе жизни и мировоззрении, предопределило и многочисленные схождения в языке таджиков и узбеков. Наконец, многовековая ориентация мусульман Урало-Поволжья и Западной Сибири на культурные центры Средней Азии, прежде всего на Бухару и Хиву, подкрепляемая устойчивыми торговыми связями, стала причиной формирования целого слоя среднеазиатских по происхождению культурных и языковых черт у башкир.

Теория трансфера, обоснованная в работах зарубежных авторов [Espagne 1999; Kaelble 2006; Lüsebrink 2010; Middell 2000; Middell 2016], первоначально ставила целью поиск и дальнейшее описание инокультурных элементов в литературе и культуре, впоследствии стала широко применяться и в лингвистике [Лингвистика и семиотика 2016] для доказательства культурно-языковых связей пограничных территорий, с одной стороны, и взаимовлияний родственных языков и культур — с другой [Бредис, Ломакина 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020], а также для интерпретации общих элементов в пословичных фондах и в национально-языковых картинах мира

генетически и ареально далеких этносов [Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021], в том числе и тюркских народов на азиатском и европейском культурно-языковом фоне [Бредис, Иванов 2022; Петрушевская 2022а; Петрушевская 2022б; Петрушевская 2023; Иванов 2023].

Исходя из этого, теорию культурно-языкового трансфера целесообразно рассматривать в качестве теоретического обоснования такого значимого в лингвокультурной типологии факта, как наличие обширного общего слоя инспирированных исламом паремий в башкирском, таджикском и узбекском языках.

Цель данной статьи — показать результаты вызванного исповеданием ислама языкового и культурного трансфера на примере определенной тематической группы башкирских, таджикских и узбекских паремий, содержащих религиозно-теологические представления.

2. Материалы и методы исследования

Источником исследования являются следующие лексикографические источники: «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я. И. Калонтарова [Калонтаров 1965], «Узбекские народные пословицы и поговорки» под редакцией А. Наумова¹ [Узбекские народные 1985], «Мудрость трех народов (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии)» Я. И. Калонтарова [Калонтаров 1989], «Ўзбек халқ мақоллари» (Узбекские народные пословицы) [Ўзбек халқ 2003], «Словарь башкирских пословиц и поговорок» М. Х. Ахтямова [Ахтямов 2008]. Материал (около 75 паремий) получен приемом сплошной выборки из перечисленных словарей, а также путем социолингвистического эксперимента среди носителей (20 человек) таджикского и узбекского языков: после определения веры как одной из ценностных констант народа предлагалось перечислить пословицы, которые будут составлять ценностное ядро. Социолингвистический эксперимент ставил целью дополнить полученный из лексикографических источников советского периода список пословиц, чтобы добиться максимальной репрезентативности материала. При выяв-

¹ Псевдоним поэта Ильи Ароновича Наймарка (1929–2008).

лении религиозных источников паремииологического материала привлекался текст Корана, суннитских хадисов из авторитетных сборников, трактатов о вероучении А. ал-Матуриди и ан-Насафи. Для получения данных о номинации Бога и сопредельных с ним понятий использовались одноязычные толковые словари: «Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX» в 2 томах под редакцией М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масуми (1969) [Фарҳанги забони 1969, 1; Фарҳанги забони 1969, 2], «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» А. Мадвалиев таҳрири остида (2006–2008) («Толковый словарь узбекского языка» в 33 томах под редакцией А. Мадвалиева) [Ўзбек тилининг 2006-2008], «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах (2011–2018) [АСБЯ 2011]. Таким образом, для получения репрезентативных результатов использовалась методика, опирающаяся на ценностные критерии при выделении ценностных констант, включающая анализ семантических конденсатов в сравнительно-сопоставительном аспекте.

3. Влияние ислама на языки исповедующих его народов

Религия и используемый ею язык оказывают заметное, если не решающее воздействие на формирование картин мира тех народов, которые ее исповедуют, причем это воздействие выходит далеко за пределы мифологической и собственно религиозной картин мира, вырабатывая базисные механизмы логики и смыслополагания — то «полотно, осмысленности, в котором оно (сознание. — О. Л., И. С., Ю. С., Х. Х.) движется» [Смирнов 2015: 421].

Арабский язык Корана и мусульманского богослужения сформировали особую, процессуальную логику смыслополагания, а вместе с ней и целый ряд языковых механизмов, ее выражающих. Этим обстоятельством объясняется, по мнению академика А. В. Смирнова, та «инаковость» текстов, созданных в рамках арабо-мусульманской культуры, которая требует от их исследователя и переводчика целого ряда интерпретаторских усилий, без которых диалог культур и являющееся его основой понимание невозможны [Смирнов 2015: 442–443].

Ключевой особенностью таких текстов является их многоуровневость: в любом из

них выделяются планы явного, выраженно-го (араб. *зāхир*) и сокрытого (араб. *бāтин*). Первое указывает на второе, но не равно ему. Нормативным же требованием арабской, а вслед за ней и классической персидской и тюркской риторики является указание на максимум сокрытого минимумом явного, выражающееся в соотношении *лафз* (араб. 'выговаривание') и *ма'нан* (араб. 'смысл') [Смирнов 2015: 540].

Классическим примером такого соотношения считаются образные средства и притчи (араб. *амсāl*) Корана — «собственно пословицы, выражения пословичного типа, мудрые изречения, формульные высказывания. В *амсāl* сохранялась память о ярких событиях, достижениях предков, „привалах“ противников» [Резван 2001: 100].

Термин встречается в самом тексте писания: «Воистину, не зазорно Аллаху приводить в качестве примера и притчи комара и даже то, что меньше его» [Коран 2009: 2:26]¹. При этом в качестве единственных, кому доступно понимание этих притч, выступают сам Бог и Его пророк: «Не приводите же Аллаху притч. Поистине, Аллах знает, а вы не знаете!» [Коран 2009: 16:76].

Эти притчи, в свою очередь, проникали как в классическую словесность народов, исповедующих ислам (наиболее ярким примером может быть названа «Поэма о скрытом смысле» (перс. *Маснави-йи Ма'нави*) Дж. Руми), а также в повседневную речь, насыщенную многочисленными отсылками к священному тексту, зачастую уже не осознаваемыми носителями языка [Хуррамшахи 2016: 227–228].

Собственно лингвистическим фактором столь глубокого проникновения в языки мусульманских народов коранических притч, пословиц, выражений пословичного типа, мудрых изречений, формульных высказываний выступает общее, связывающее их свойство «афористичности», предполагающее наличие у всех этих малых текстовых форм как разновидностей афористических единиц одинаковых облигаторных характеристик «однофразовости, обобщенности (универсальности) значения, дискурсивной автономности» [Иванов 2022а: 904] и ос-

новных языковых функций «коммуникативной, познавательной, кумулятивной» [Иванов 2022в: 170].

Языковая картина мира как один из конструктов современной лингвистики требует последовательного описания. «Паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, представляет набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несет информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира (далее — ПКМ), которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [Комова, Ломакина 2019: 79].

Несмотря на различия в номинации ценностей «Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» [Ломакина, Мокиенко 2018: 306].

Последовательный анализ отдельных ценностей, представленных в паремиологическом фонде языка, позволит выявить ценностные константы и ценностные переменные, а также получить сведения о системе ценностей определенного народа. Хотя лингвоаксиология заняла важное место среди лингвистических дисциплин, понятие *ценность* не имеет общепринятого определения, с одной стороны, в силу междисциплинарного существования и, с другой стороны, эволюции этого термина во времени и пространстве. Ценности позволяют охарактеризовать «совокупность идеалов, принципов, нравственных норм, прав, имеющих приоритетное значение в жизни людей независимо от их социального положения, национальности, вероисповедания, образования, возраста, пола и т. п. При этом иерархии базовых общечеловеческих ценностей в разных культурах различны» [Бредис 2019: 10].

Вера, будучи одной из ценностных доминант как мусульманского, так и христианского мира, является общечеловеческой ценностью, однако в разных языках может содержаться различная информация о религиозно-теологических представлениях каждого народа [Иванов, Маслова, Мокиенко 2022], в том числе и имеющая уникальный характер [Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021].

¹ Здесь и далее цитаты из Корана приводятся по: [Коран 2009]. Первая цифра после выходных данных — номер *сūры*, вторая — номер *айата*.

4. Теонимы в языковой картине мира башкир, таджиков и узбеков

Универсальной лексемой, представляющей веру как ценность, является лексема *Бог*. Последовательное описание паремий с этой лексемой в первую очередь поможет сформировать представление о Боге и вере в трех лингвокультурах — башкирской, таджикской и узбекской. Анализ номинаций Бога в мусульманских культурах осложняется тем обстоятельством, что они нормативно многообразны. Сам Коран заявляет: «У Аллаха Имена Прекрасные, так зовите же Его этими именами» [Коран 2009: 7:180], из чего вырастает теологическое учение о «прекрасных именах» (араб. *асмā' ал-хусна*) Бога, понимаемых как указание на Его сущность, не поддающуюся пониманию средствами человеческого разума [Аль-Матуриди 2018: 31–32]. В мусульманской вероучительной и богослужебной практике традиционно используются 99 «прекрасных имен», извлеченных из текста Корана и хадисов.

Для неарабских языков и культур характерно также синонимичное употребление исконных и заимствованных из арабского наименований Бога. Так, согласно «Словарю таджикского языка», в таджикском языке сосуществуют лексемы-арабизмы *Аллох*, *Худо/Худой*, а также *Эзид*, *Яздон* [Фарханги забони, 1 1969: 58; Фарханги забони, 2 1969: 501, 628].

Составители «Толкового словаря узбекского языка» включают следующие лексемы: *Аллох*, *Тангри*, *Худо / Худой* и *Яздон* [Ўзбек тилининг 2006–2008: 73, 100, 420, 662].

В «Академическом словаре башкирского языка» русскому понятию Бог соответствуют *Алла / Аллах*, *Тәңре*, *Хоза / Хозай* [АСБЯ, 1 2011: 243–245].

Стоит обратить внимание на данные о происхождении этих лексем: лишь *Алла / Аллах / Аллох* имеет арабское происхождение. Лексема *Тәңре / Тангри* трактуется в башкирском словаре как исконная [АСБЯ, 1 2011: 244], а в узбекском — как монголизм [Ўзбек тилининг 2006: 420]. Лексемы *Хоза / Хозай / Худо / Худой* и *Яздон* заимствованы из иранских языков. Судя по тому, что первая из них встречается в тюркских языках Сибири, включая якут-

ский, заимствование ее относится к более раннему, чем время формирования новоперсидского языка, периоду, а источником заимствования может быть согдийский язык [Семенов 2019: 74]. Лексема *Яздон* в узбекском является фарсизмом [Ўзбек тилининг 2006: 662].

Перечисленные номинации в башкирском, таджикском и узбекском языках употребляются как синонимы в качестве обозначения единого Бога ислама. Эта семантика подчеркивается уважительным именованим с помощью арабского заимствования *Таоло / Тәгәлә* ‘Всевышний’, сочетающегося со всеми приведенными лексемами вне зависимости от их происхождения: *Аллох Таоло / Аллаху Тәгәлә*, *Худо Таоло / Хозай Тәгәлә*, *Тангри Таоло / Тәңре Тәгәлә*. Это показывает, что ислам оказал настолько сильное влияние на мировоззрение каждого из этих народов, что произошло полное переосмысление доисламских понятий, обозначавших Бога, и их встраивание в общемусульманскую систему этикетных именовании Бога.

Это является иллюстрацией культурно-языкового трансфера, продиктованного географическим положением и общим вероисповеданием: под влиянием ислама иранская лексема, обозначавшая правителя, была переосмыслена и стала обозначением Единого Бога ислама и в таком качестве проникла в тюркские языки Средней Азии, а через их посредство — в родственные им идиомы, причем собственно тюркское обозначение высшего существа пережило аналогичную семантическую трансформацию. Следует отметить, что поглощение и ассимиляция религиозным сознанием языческих номинаций Верховного Божества, имеет ярко выраженный типологический характер и широко наблюдается в языках и культурах принявших христианство тюркских этнических групп, например нагайбаков, в паремиях которых «компонент *Қодай* ‘Бог’ может как иметь соответствующий библейский прототип (как правило, в составе устойчивого оборота), так и не соотноситься прямо и непосредственно с текстом Священного Писания (преимущественно при употреблении в качестве одиночной лексемы в составе пословиц и поговорок)» [Иванов 20226: 79].

5. Теологические представления ислама в паремии башкир, таджиков и узбеков

Бог воспринимается мусульманами как единственный Создатель всего сущего (араб. *ал-Халик*), Наделяющий Своих созданий пропитанием (араб. *ар-Раззак*), Властный над дольным и горным мирами (араб. *ал-Малик*), единственный Обладатель могущества, способный на совершение действий (араб. *ал-Кадир*), Справедливый (араб. *ал-Адл*) и Истинный (араб. *ал-Хаққ*). Значительная часть этих представлений нашла свое выражение в пословицах трех народов.

1. Представление о Боге как единственном обладателе истинной власти, не нуждающемся ни в чем и не отчитывающемся перед сотворенными в своих действиях, мотивируемых Его мудростью, выражено в таких таджикских паремиях, как *Худо дод, худо гирифт* 'Бог дал — Бог взял', *Худо тияд, номатана мепурсад* 'Бог, когда дает, имени не спрашивает', *Худо дихандааст — на гиранда* 'Бог — дающий, а не берущий'. Эти представления выражены в узбекских пословицах *Бой бўлмасим билибман, оч ўлдирма Худойим* 'Знаю, что богатым не стану, не дай голодным умереть, Боже', *Синмасни қуллол ясамас, ўлмасни Худо яратмас* 'Гончар не сделает того, что не разобьется, Бог не создаст того, кто не умрет', *Тангри берганнинг ўгли тўрт бўлар, бири номард бўлса, бири мард бўлар* 'У того, кому Бог дает, четверо сыновей: один невежда, зато другой — муж'. Башкирские пословицы *Алла бирганде мулла бирмәс* 'Дарованного Богом мулла не даст', *Тәңре эше — фарман менән, бәндәнеке — дарман менән* 'Божье дело — по велению, человеческое — по духу', *Хозайзың көзрәте киң* 'Божье могущество широко' также выражают эти представления.

2. Теологическое представление о Боге как о Наделяющем благами (араб. *ар-Раззак*) и заботящемся о каждом из Своих созданий занимает важное место как в мусульманском богословии, так и в народном сознании верующих и реализуется в догмате о том, что каждый получает полностью свое пропитание, будь оно дозволенным или запретным.

Таджикская пословица *Худо дандон додааст, ризқашро ҳам медиҳад* 'Бог дал зубы, даст и пропитание' указывает именно на этот догмат. В узбекской языковой кар-

тине мира теологическая концепция *ризқ* становится основанием для представлений о надежде и Божьей заботе: *Ризқ камимас, банда очдан ўлмас* 'Ризқ не уменьшится, творение не умрет от голода', *Умид ўлмас, ризқ камимас* 'Надежда не умирает, ризқ не уменьшается', *Ризқ-и меҳмон ош устидан чиқар* 'пропитание гостя появится над пищей'. Эти представления отражены и в башкирских пословицах *Ғүмер бөтмәһә, ризык бөтмәй* 'Пока жизнь не закончится, не кончится и пропитание', *Өмөт өзөлмәһә, ризык өзөлмәс* 'Пока не оборвется надежда, не прервется пропитание', *Кунак уз ризығы менән килер* 'Гость придет с собственным пропитанием'.

3. Бог воспринимается мусульманами не только как Создатель, но и как источник высшей справедливости, тот, кто воздает людям по их истинным заслугам. Уже один из первых *айатов* Корана прямо именует Бога «Царем в День Суда» [Коран 2009: 1:3]. Божья кара — важный концепт Корана. Священное писание мусульман представляет ее как действительное воплощение Божьей справедливости, неотвратимости воздаяния за проступки, настигающее людей как на этом, так и на том свете: «Воздерживайтесь от греха и явного, и скрытого. Воистину, те, кто совершает грех, будут наказаны за деяния свои» [Коран 2009: 6:120].

Так, таджикская пословица *Худо ҳар касро ба нияташ медиҳад* 'Бог дает каждому по намерениям' буквально повторяет хадис: «Поистине, дела оцениваются (только) по намерениям, и поистине каждому человеку достанется то, что он намеревался (обрести)», переданный ал-Бухари и Муслимом [Ан-Навави 2001: 9–10] и закладывающий основы мусульманской этики, видящей благой поступок в единстве хорошего намерения и реализующего его действия.

Семантика таджикской пословицы *Худо дергири сахтгир аст* 'Бог не скоро возьмется, да крепко возьмется' связана с пониманием Бога как карающей силы, наказывающей каждого по его по заслугам тогда, когда это угодно самому Богу, в соответствии с кораническими стихами: «А тех, кто отвергает айаты Наши, низвергнем мы [в ад] одного за другим так, что и не почувствуют, [как произойдет это]. И [тем не менее] даю я отсрочку им, но замысел Мой неотвратим» [Коран 2009: 7:182–183].

Неотвратимость Божьего наказания подчеркивается в узбекских пословицах тем, что никто, включая пророков и святых, не в состоянии на него повлиять и изменить: *Худо ўрганни пайгамбар ҳам ҳассаси билан тўртар* 'Кого Бог ударит, того и пророк ткнет посохом', *Худо ўрган туяни Вайсулқаро на қилсин* 'Что поделать Увайсу ал-Карани¹ с верблюдом, которого Бог поразил'.

4. Мусульманская этика как система представлений о надлежащем поведении разворачивается по трем осям: божественное — человеческое, человеческое — человеческое, внутрочеловеческое [Смирнов 2015: 442–450].

Ряд этически одобряемых качеств описывает отношение человека к Богу и посылаемым Им испытаниям. Естественной и одобряемой реакцией верующего человека на возможность и неотвратимость Божьих испытаний является страх. Коран прямо предписывает его верующим как вообще: «Обращаясь к Аллаху, бойтесь Его, творите молитву обрядовую и не будьте в числе многобожников» [Коран 2009: 30:31], так и в связи с предстоящим ответом перед Ним: «Страхитесь того дня, когда будете возвращены вы к Аллаху» [Коран 2009: 2:281]. Несоответствие этим повелениям строго осуждает таджикская пословица *На тарси худо, на шарми мардум* 'Ни перед богом страха, ни перед людьми стыда', построенная на дихотомии «страх — стыд», содержащая семантику «Человек за свои поступки должен бояться Бога и стыдиться людей».

Важное место в мусульманском этосе занимает терпение (араб. *сабр*), проявляющееся в стойком перенесении насылаемых Богом невзгод и причиняемых людьми несправедливостей. Оно многократно превозносится в Коране: «Терпите: ведь Аллах с терпеливыми!» [Коран 2009: 8:46], «А тем, кто терпеливо сносит [лишения в мире этом], непременно воздадим Мы наградой, превосходящей деяния их добрые» [Коран 2009: 16:96]. Таджикская пословица *Сабр ба роҳаш ор, то ёби савоб* 'Будь смиренным и терпеливым, Аллах наградит тебя' призывает к реализации именно этих теологических установок. Высокий статус терпения

¹ Увайс ал-Карани — сподвижник пророка Мухаммада, аскет, ведший отшельнический образ жизни, занимаясь пастьбой верблюдов.

подчеркивается и узбекской пословицей *Сабрлиқ худонинг ояти, сабрсизлиқ шайтоннинг сифати* 'Терпение — Божье чудо, нетерпение — признак дьявола', построенной на двух дихотомиях терпение — нетерпение и Бог — дьявол.

Честность в мусульманской картине мира предстает как полное взаимное соответствие внутреннего и внешнего — намерения и поступка, мотива и действия. В этой связи авторитетные тексты ислама резко осуждают ложь: «Честность приводит к благочестию, и поистине благочестие приведет к раю, и станет человек говорить правду, пока не будет записан пред Аллахом как правдивейший. И, поистине, лживость приводит к греховности, и, поистине, греховность приведет к огню, и станет человек лгать, пока не будет записан пред Аллахом как отъявленный лжец» [Ан-Навави 2001: 652], лицемерие: «За то, что нарушили мунафики обещание, данное Аллаху, за то, что лгали они, наполнил Он лицемерием сердца их до того самого дня, когда предстанут они пред Ним» [Коран 2009: 9:77]. Эти положения нашли отражение в таджикской пословице *Худованд ҳам ҳақиқатро дўст медорад* 'Бог тоже любит честность' и узбекской пословице *Душманингдан кўрқма, мунафиқдан кўрқ* 'Бойся не своего врага, а лицемера'.

Одним из видов лицемерия, строго осуждаемым авторитетными текстами ислама, является совершение добрых дел напоказ: «О вы, которые уверовали! Не сводите на нет подаяний ваших, обязывая облагодетельствованных быть благодарными, и не напоминайте о них обидным образом, подобно тем людям, которые расточают имущество свое из тщеславия и не веруют при этом ни в Аллаха, ни в День судный» [Коран 2009: 2:164].

Узбекская и башкирская пословицы, совпадающие почти дословно, рекомендуют совершать добрые дела втайне: *Яхшилик қил, дарёга тошла, балиқ билар, балиқ билмаса, Холик билар* 'Сделай доброе дело и брось в море — рыба узнает, не узнает рыба — узнает Творец', *Якшылык кылып диңгезгә ташлаһаң да кайтыр* 'Добро вернется, даже если сделать его и выбросить в море'.

Щедрость также является важным качеством правоверного мусульманина: «Не скупись, словно прикована рука твоя к шее,

и не будь расточительным, а не то начнут порицать тебя, и будешь ты печалиться» [Коран 2009: 17:29]. Это представление отражено в таджикской пословице *Худованд неконро дӯст медорад* 'Бог любит добрых, щедрых'.

Наконец, Коран предписывает почти-тельное отношение к родителям: «И повелел вам Господь твой не поклоняться никому, кроме Него Самого, и выказывать отношение доброе к родителям. Если достигнет возраста преклонного один из родителей или оба, то не говори с ними сердито, не ворчи на них и обращай к ним уважительно. Осеняй их крылом смирения и милосердия» [Коран 2009: 17:23–24]. Это предписание отражается в узбекской пословице *Ота рози — худо рази* 'Если отец доволен, то и Бог доволен' и в таджикской пословице *Модар рози — худо рози* 'Если мать довольна, то и Бог доволен'.

Неэтичное поведение, нарушающее нормы божественного закона и человеческого общежития, находит осуждение как в авторитетных текстах, так и в паремиях всех трех народов. Строго осуждаются Кораном обидчики, преступающие границы дозволенного в обращении с другими людьми, ленивые и беспечные люди: «О вы, которые уверовали! Не стяжайте имущества друг друга путем несправедливым, а только путем торговли по взаимному согласию. И не убивайте друг друга. Воистину, милостив Аллах к вам. А того, кто будет грешить по злему умыслу и склонности к насилию, ввергнем мы в огонь адский» [Коран 2009: 4:29–30].

Таджикская пословица *Аз дилозор худо (ҳама) безор* и ее узбекский аналог *Дилозордан худо безор* 'Обидчик и богу не угоден' говорят об отрицательном отношении Бога к тем, кто несправедливо и незаслуженно обижает другого.

Та же отрицательная семантика содержится в узбекской паремии *Бекордан ҳама (худо) безор* и ее таджикском аналоге *Аз бекор худо (ҳама) безор* 'Бездельник (всем) богу надоедает', а также ее башкирское переосмысление *Тик йөрөгәндән Тәңре бизер* 'От того, кто ничего не делает, Бог откажется'. Авторитетные тексты ислама многократно акцентируют внимание на необходимости самостоятельно обеспечивать себя и своих близких честным трудом. Так в собрании хадисов ал-Бухари есть следующий

текст: «Никто и никогда не ел ничего лучше той пищи, которую он заработал трудом своих рук, и поистине пророк Аллаха Дауд, мир ему, питался тем, что он зарабатывал (и готовил) своими руками» [Ан-Навави 2001: 280].

5. Целый ряд пословиц всех трех народов иллюстрирует реализацию принципа *таваккул* (араб. полагание на Бога) — упование на Бога, при котором человек строго придерживается божественного закона и предпринимает максимум усилий для достижения цели, отдавая себе отчет в том, что результат усилий находится исключительно в области Божьей воли [Смирнов 2015: 193].

Башкирские пословицы *Аллага ышан, үзән кымишан* 'Богу верь, а сам шевелись', *Көтмә Алланан, көт балтанан* 'От Бога не жди, жди от топора', узбекская пословица *Ишонмагин худога, буттани тут* 'На бога не надейся, держись за куст (а то утонешь)' и таджикские пословицы *Ба умеди худо нашав, буттаро дор* 'На бога не надейся, держись за куст (а то утонешь)', *Худоро ёд куну буттаро сахт гир* 'О боге помни, а за куст крепко держись', *Ба умеди Худо нашуда, буттаро махам дор* 'На бога не надейся, а клетку держи закрытой'. Эти пословицы хорошо согласуются с принятыми в советское время этическими стандартами, в центре которых находился труд и самостоятельность человека [Фаткуллина 2019: 242], однако в соответствии с принципом организации мусульманских текстов, при котором смысла всегда больше, чем слов, они могут быть прочитаны как призыв к активной реализации *таваккул*.

Сходная семантика и у таджикских пословиц *Аз ту харакат, аз Худо баракат* 'Тому, кто трудится, Божья благодать', *Ба «худо» гуфтан кор неш намеравад* 'Обращением к богу дело не сделается', *Бо «бисмиллоҳ» гуфтан об ранг намегирад* 'Тем, что скажешь «во имя бога», вода не окрасится', *Бо «бисмиллоҳ» шикам сер намешавад* 'Тем, что скажешь «во имя бога», живот не насытится'.

Всеобъемлющим законом, который регулирует самые разные стороны жизни мусульман, является шариат (араб. *шарī'а*). Дискуссии о его точных границах и демаркации с мусульманским правом (араб. *фиқх*) ведутся как среди богословов, так и среди востоковедов. В пословичном фонде трех языков шариат получил отрицательную оценку: башк. *Шәригәттә оят юк*,

тадж. *Ба шариат шарм нест* и узб. *Шариатда шарм йўқ* ‘В шариате нет стыда’, а также тадж. *Ба шариат шарм нест, Хиллаю найранг кам нест* ‘В шариате стыда нет, но немало хитрости и уловок’. Лишь узбекская половина *Шариатнинг йўли кўп* ‘У шариата много дорог’ имеет нейтральную характеристику.

6. Заключение

Анализ собранного паремиологического материала башкирского, таджикского и узбекского языков подтвердил универсальность пословиц, что позволяет группировать их в соответствии с их общей семантикой и выделять семантические доминанты, а также показал, что языковые картины мира народов, традиционно исповедующих ислам и говорящих на так называемых «исламизированных языках», сохраняют обусловленные исламом как религией, его авторитетными текстами и этико-аксиологическими установками черты. Эти черты демонстрируют устойчивость, сохраняясь в глубинных слоях паремиологического фонда всех трех народов и могут быть эксплицированы при сопоставлении с авторитетными текстами ислама.

Для полноты характеристики ценности *вера в Бога* были сопоставлены номинации Бога и связанных с ним понятий в башкирском, таджикском и узбекском языках: для номинации Бога и в литературных языках, и в поговорках употребляются как собственно мусульманские наименования арабского происхождения *Алла / Аллоҳ* и *Холик*,

так и исламизированные иранские слова *Хоза / Худо* и тюркские *Тангри / Тәңре*.

Пословичный материал показал, что объединение в группы по семантическим доминантам соответствует реализуемым теологическим представлениям: Бог как единственный обладатель истинной власти; Бог как наделяющий людей благами, Бог как справедливый судья, Бог как источник этических норм, Бог как помощник человека в его добрых делах. В количественном отношении преобладают пословицы нравственно-этического содержания.

Совпадение части пословичного материала башкирского, таджикского и узбекского языков объясняется общностью мусульманского пласта культуры трех народов, возникшей благодаря распространению среди всех трех народов суннитского ислама ханафитского мазхаба, классических образцов высокой персоязычной культуры, а также длительным этническим и культурным контактам, что дает основание говорить о примере культурно-языкового трансфера.

Богатый паремиологический материал трех лингвокультур — башкирской, таджикской и узбекской — и отраженные в нем ценности мусульманской религии, базовые концепты арабо-мусульманской культуры, присутствующие в нем аллюзии на авторитетные тексты ислама, а также на классические богословские труды и религиозную поэзию, представляют собой богатое поле как для теолого-исламоведческих, так и для филологических изысканий, которые не ограничиваются настоящей статьей.

Сокращения

араб. — арабский

башк. — башкирский

перс. — персидский

тадж. — таджикский

узб. — узбекский

Источники

- Коран 2009 — Коран / пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2009. 576 с.
 АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка. Т. 1 (Буква А) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
 Ахтямов 2008 — *Ахтямов М. Х.* Словарь башкирских пословиц и поговорок. Уфа: Китап, 2008. 776 с. (На башк. яз.)
 Калонтаров 1989 — *Калонтаров Я. И.* Мудрость трех народов (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии). Душанбе: Адиб, 1989. 432 с.

- Калонтаров 1965 — *Калонтаров Я. И.* Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965. 535 с.
 Узбекские народные 1985 — *Узбекские народные пословицы и поговорки / пер., сост. послесл.: А. Наумов.* Ташкент: Узбекистан, 1985. 93 с.
 Фарҳанги забони, 1 1969 — *Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX: тақрибан 45 000 калима ва ибора, бо иловаи мифтоҳи арабӣ: иборат аз ду ҷилд / дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Масъумӣ; Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, Институти забон*

ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ (= Словарь таджикского языка (X века – начало XX века): около 45 000 слов и фразеологизмов, с приложением арабских написаний: в 2 тт. / под ред. М. Ш. Шукурова, Р. Хошима, Н. А. Масъуми, В. А. Капранова). Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. 952 с.

Фарҳанги забони, 2 1969 — Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX: тақрибан 45 000 калима ва ибора, бо иловаи мифтоҳи арабӣ: иборат аз ду ҷилд / дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Масъумӣ; Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ (= Словарь таджикского языка (X века – начало XX века): около 45 000 слов и фразеологизмов, с приложением арабских написаний: в 2 тт. / под ред. М. Ш. Шукурова, Р. Хошима, Н. А. Ма-

съуми, В. А. Капранова). Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1969. 950 с.

Ўзбек тилининг 2006–2008 — Ўзбек тилининг изоҳли луғати / ЎзР ФА А. Навоий номидаги Тил ва адабиёти ин-ти; А. Мадвалиев таҳрири остида; таҳрир ҳайъати Э. Бегматов (= Толковый словарь узбекского языка / Институт языка и литературы им. А. Навои; ред.: А. Мадвалиев, Э. Бегматов). Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2006. 687 с. (На узб. яз.)

Ўзбек халқ 2003 — Ўзбек халқ мақоллари / тазувилаш: Т. Мирзаев, А. Мусоқулов, Б. Саримсоқов; масъул муҳаррир: Ш. Турдимов (= Узбекские народные пословицы / сост.: Т. Мирзаев, А. Мусоқулов, Б. Саримсаков; отв. ред. Ш. Турдимов). Тошкент: Шарк, 2003. 512 б. (На узб. яз.)

Sources

Akhtyamov M. Kh. Dictionary of Bashkir Proverbs and Sayings. Ufa: Kitap, 2008. 776 p. (In Bash.)

Kalontarov Ya. I. Tajik Proverbs, Sayings, and Their Russian Analogues. Dushanbe: Irfon, 1965. 535 p. (In Russ.)

Kalontarov Ya. I. The Wisdom of Three Nations: Analogous Tajik, Uzbek, and Russian Proverbs, Sayings and Aphorisms. Dushanbe: Adib, 1989. 432 p. (In Taj., Uzb. and Russ.)

Khisamiddinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. Vol. 1: Letter A. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash. and Russ.)

Madvaliev A., Begmatov E. (eds.) Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. A. Nava'i Institute of Language and Literature. Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan, 2006–2008. (In Uzb.)

Mirzaev T., Musokulov A., Sarimsakov B. (comps.)

Uzbek Folk Proverbs. Sh. Turdimov (ed.). Tashkent: Shark, 2003. 512 p. (In Uzb.)

Naumov A. (comp.) Uzbek Folk Proverbs and Sayings. Tashkent: Uzbekistan, 1985. 93 p. (In Russ.)

Shukurov M. Sh., Hoshim R., Masumi N. A., Kapranov V. A. (eds.) Dictionary of the Tajik Language: Tenth to Early Twentieth Centuries CE. Ca. 45,000 word entries and phrases suppl. with Arabic inscriptions. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. Vol. 1. 952 p. (In Taj.)

Shukurov M. Sh., Hoshim R., Masumi N. A., Kapranov V. A. (eds.) Dictionary of the Tajik Language: Tenth to Early Twentieth Centuries CE. Ca. 45,000 word entries and phrases suppl. with Arabic inscriptions. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. Vol. 2. 950 p. (In Taj.)

The Quran. M.-N. Osmanov (transl., comment.). St. Petersburg: Dilya, 2009. 576 p. (In Russ.)

Литература

Аль-Матуриди 2018 — *Аль-Матуриди*. Китаб ат-таухид. Казань: Хузур, 2018. 520 с.

Ан-Навави 2001 — *Ан-Навави*. Сады праведных из слов Господина Посланников. М.: Бадр, 2001. 880 с.

Бредис 2019 — *Бредис М. А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.

Бредис, Ломакина 2020 — *Бредис М. А., Ломакина О. В.* Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале лагальской и русинской паремии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 28–38.

Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020 — *Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212.

Бредис, Иванов 2022 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/25/1

Галяутдинов 2000 — *Галяутдинов И. Г.* Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.

- Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021 — *Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В., Макарова А. С.* Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультуры) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. Vol. 17. С. 135–147.
- Иванов 2022а — *Иванов Е. Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924
- Иванов 2022б — *Иванов Е. Е.* Пословицы и поговорки из библейских источников в современном нагайбакском языке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 9(467). С. 74–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10910
- Иванов 2022в — *Иванов Е. Е.* Функции афористических единиц в русском языке // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185
- Иванов 2023 — *Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 1. С. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14
- Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032
- Иванов, Маслова, Мокиенко 2022 — *Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М.* Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: РУДН, 2022. 406 с.
- Керимова 1997 — *Керимова А. А.* Современный таджикский литературный язык (функциональное и развитие): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 30 с.
- Комова, Ломакина 2019 — *Комова Д. Д., Ломакина О. В.* Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2019. № 3(103). Ч. 1. С. 78–86.
- Лингвистика и семиотика 2016 — *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко*. М.: Культурная революция, 2016. 500 с.
- Ломакина, Мокиенко 2018 — *Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // *Русин*. 2018. № 4(54). С. 306. С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
- Петрушевская 2022а — *Петрушевская Ю. А.* Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // *Вестник угроведения*. 2022. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505
- Петрушевская 2022б — *Петрушевская Ю. А.* Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. 2022. № 3. С. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16
- Петрушевская 2023 — *Петрушевская Ю. А.* Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // *Новые исследования Тувы*. 2023. № 1. С. 259–279. DOI: 10.25178/nit.2023.1.15
- Резван 2001 — *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 с.
- Семенов 2019 — *Семенов Н. А.* Этимология якутского слова *кудай*: заимствование из персидского языка? // *Северо-восточный гуманитарный вестник*. 2019. № 3(28). С. 70–76.
- Смирнов 2015 — *Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
- Фаткуллина 2019 — *Фаткуллина Ф. Г.* Отражение национального менталитета в паремиологической системе языка // *Феномен Мустая Карима и глобальный XX век: национально-духовная культура в мировом контексте: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 30 октября 2019 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 241–244.
- Фрагнер 2018 — *Фрагнер Б. Г.* «Персофония»: региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018. 136 с.
- Фролов 2006 — *Фролов Д. В.* Арабская филология: грамматика, стихосложение, корановедение. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
- Хуррамшахи 2016 — *Хуррамшахи Б.* Корановедение (очерки о Коране и его роли в формировании культуры). М.: Садра, 2016. 390 с.

- Ahmad 2013 — *Ahmad S.* The Role of Language in the Process of Islamization: A Brief Analysis of Syed Muhammad Naquib al-Attas's Thought [электронный ресурс] // Seminar Kebangsaan Isu Ketamadunan dan Cabaran Semasa (SIKCAS 2013), University Sains, Malaysia, 27, November 2013. URL: https://www.academia.edu/9541377/The_Role_of_Language_in_the_Process_of_Islamization_A_Brief_Analysis_of_Syed_Muhammad_Naquib_al_Attas_s_Thought (дата обращения: 10.10.2022).
- Bausani 1981 — *Bausani A.* Le lingue islamiche: Interazioni e acculturazioni // Il mondo islamico tra interazione e acculturazione / A. Bausani, B. S. Amoretti (eds.). Rome: Istituto di Studi Islamici, 1981. Pp. 3–19.
- Mabruroh 2019 — *Mabruroh Khoiriah R.* Islamization of Malay Language and its Role in the Development of Islam in Malaya // Academic Journal of Islamic Studies (AJIS). 2019. Vol. 4. № 1. Pp. 13–29.
- Versteegh 2020 — *Versteegh K.* Can a language be Islamic? // Eurasian studies. 2020. № 18. Pp. 5–25.
- Espagne 1999 — *Espagne M.* Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999. 296 p.
- Kaelble 2006 — *Kaelble H.* Herausforderungen an die Transfergeschichte // B. Schulte (Hrsg.). Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte (= Comparativ; 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. S. 7–12.
- Lüsebrink 2010 — *Lüsebrink H.-J.* Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters) // E.-Mengel, L. Schnauder, R. Weiss (Hrsg.). Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer. Vol. I. Trier: WVT, 2010. S. 21–35.
- Middell 2016 — *Middell M.* Kulturtransfer, Transferts culturels, Version: 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte, 28.01.2016. URL: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702> (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.14765/zsf.dok.2.702.v1
- Middell 2000 — *Middell M.* Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // Comparativ. 2000. № 10. Hf. 1. S. 7–41.

References

- Ahmad S. The role of language in the process of Islamization: A brief analysis of Syed Muhammad Naquib al-Attas's thought. In: Seminar Kebangsaan Isu Ketamadunan dan Cabaran Semasa (SIKCAS 2013), University Sains (Malaysia, 27 November 2013). Available at: https://www.academia.edu/9541377/The_Role_of_Language_in_the_Process_of_Islamization_A_Brief_Analysis_of_Syed_Muhammad_Naquib_al_Attas_s_Thought (accessed: 10 October 2022). (In Eng.)
- Al-Maturidi. Kitab al-Tawhid (Book of Monotheism). Kazan: Khuzur, 2018. 520 p. (In Russ.)
- Al-Nawawi. Riyad as-Salihin (The Gardens of the Righteous). Moscow: Badr, 2001. 880 p. (In Russ.)
- Bausani A. Le lingue islamiche: Interazioni e acculturazioni. In: Bausani A., Amoretti B. S. (eds.) Il mondo islamico tra interazione e acculturazione. Rome: Istituto di Studi Islamici, 1981. Pp. 3–19. (In It.)
- Bredis M. A. Man and Money: Essays on Proverbs and More. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019. 296 p. (In Russ.)
- Bredis M. A., Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 2022. No. 26. Pp. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/25/1. (In Russ.)
- Bredis M. A., Lomakina O. V. Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (Based on the material of Latgalian and Rusin paremiology). *Issues of Ethnopolitics*. 2020. No. 2. Pp. 28–38. (In Russ.)
- Bredis M. A., Lomakina O. V., Mokienko V. M. Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (Based on numerative units). *Rusin*. 2020. No. 60. Pp. 198–212. (In Russ.)
- Espagne M. Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999. 296 p. (In Fr.)
- Fatkullina F. G. Ethnic mentality in paremiological system. In: Kunafin G. S. (ed.) The Phenomenon of Mustayi Karim and the Global Twentieth Century: Ethnic and Spiritual Cultures in Global Contexts. Conference proceedings (Ufa, 30 October 2019). Ufa: Bashkir State University, 2019. Pp. 241–244. (In Russ.)
- Feshchenko V. V. (ed.) Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Techniques. Joint monograph. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya, 2016. 500 p. (In Russ.)
- Fragner B. G. Persian as Lingua Franca: Regional Features, Identity, Language Contacts in Asian History. Moscow: Märçani Foundation, 2018. 136 p. (In Russ.)
- Frolov D. V. Arabic Linguistics: Grammar, Versification, Quran Studies. Articles of different years. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2006. 440 p. (In Russ.)

- Galyautdinov I. G. The Two Centuries of Standard Bashkir. Ufa: Gilem, 2000. 448 p. (In Russ.)
- Gishkaeva L. N., Lomakina O. V., Makarova A. S. Reflection of faith in God as a value constant in the State Fund (On the example of Christian and Muslim linguistic cultures). *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. Vol. 17. Pp. 135–147. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13. No. 4. Pp. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 1. Pp. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14. (In Russ.)
- Ivanov E. E. Proverbs and sayings from biblical sources in the modern Nagaybak language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 9 (467). Pp. 74–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10910. (In Russ.)
- Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya Yu. A. The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032. (In Russ.)
- Ivanov E. E., Maslova V. A., Mokienco V. M. The Biblical Heritage in Languages and Cultures of Russia and Belarus. Moscow: RUDN University, 2022. 406 p. (In Russ.)
- Kaelble H. Herausforderungen an die Transfergeschichte. In: Schulte B. (ed.). *Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte* (Comparativ 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. Pp. 7–12. (In Germ.)
- Kerimova A. A. Contemporary Standard Tajik: Functioning and Development. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1997. 30 p. (In Russ.)
- Khurramshahi B. *Encyclopedia of the Qur'an and Quranic Studies*. Moscow: Sadra, 2016. 390 p. (In Russ.)
- Komova D. D., Lomakina O. V. Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: Interpretation (On the material of the Russian language). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2019. No. 3 (103). Pt. 1. Pp. 78–86. (In Russ.)
- Lomakina O. V., Mokienco V. M. Value constants of the Rusin paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 2018. No. 4(54). Pp. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.)
- Lüsebrink H.-J. Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters). In: Mengel E., Schnauder L., Weiss R. (eds.). *Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer*. Vol. 1. Trier: WVT, 2010. Pp. 21–35. (In Germ.)
- Mabrurroh M., Khoiriyah R. Islamization of Malay language and its role in the development of Islam in Malaya. *Academic Journal of Islamic Studies (AJIS)*. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 13–29. (In Eng.)
- Middell M. Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis. *Comparativ*. 2000. No. 10. Pt. 1. Pp. 7–41. (In Germ.)
- Middell M. Kulturtransfer, Transfers culturels, Version: 1.0. On: Docupedia-Zeitgeschichte. Posted on 28 January 2016. Available at: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702> (accessed: 10 March 2023). DOI: 10.14765/zzf.dok.2.702.v1. (In Germ.)
- Petrushevskaya Yu. A. Belarusian parallels of Vepsonian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific. *Vestnik Ugrovedenia (Bulletin of Ugric Studies)*. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–505. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505. (In Russ.)
- Petrushevskaya Yu. A. Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 3. Pp. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16. (In Russ.)
- Petrushevskaya Yu. A. Universals in the Tuvan proverbial fund (As compared to modern European languages). *The New Research of Tuva*. 2023. No. 1. Pp. 259–279. DOI: 10.25178/nit.2023.1.15. (In Russ.)
- Rezvan E. A. *The Quran and Its World*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. 608 p. (In Russ.)
- Semenov N. A. The etymology of the Yakut word kudai: Borrowing from the Persian language? *North-Eastern Journal of Humanities*. 2019. No. 3(28). Pp. 70–76. (In Russ.)
- Smirnov A. V. *Consciousness. Logic. Language. Culture. Meaning*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2015. 712 p. (In Russ.)
- Versteegh K. Can a language be Islamic? *Eurasian Studies*. 2020. No. 18. Pp. 5–25. (In Eng.)